

М.К. ПОТАЧЕВ

ПОЭТЫ РУССКИЕ
(посвящения)

*Большая благодарность брату Сереже за рисунки,
внуку Кириллу за верстку и создание web-сайта
и А. Новикову за любезно предоставленное
оборудование.*

М.К. ПОТАЧЕВ

ПОЭТЫ РУССКИЕ
(посвящения)

www.menandr.ru
Нижний Новгород · 2010

М.К. Потачев

Поэты русские (посвящения)

Стихи

Нижний Новгород, 2010. – 76 с.

Тираж 100 экз.

Подготовка текста, оформление, верстка К.А. Неручев

Художник С.Н. Рубцов

Автор, контактная информация:

Тел: +7 908 760 34 11

www.potachev.ru

© М.К. Потачев, текст, 2010

© С.Н. Рубцов, иллюстрации, 2010

© К.А. Неручев, подготовка текста и
художественное оформление, 2010

Поэты русские! Друг друга мы браним,
Парнас российский дрязгами усеян.
Но все мы чем-то связаны одним:
Любой из нас, хоть чуточку, Есенин.

Евгений Евтушенко

М.Ю. Лермонтову

*Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста...*

М.Ю. Лермонтов

Поручик, поручик, куда Вы спешите?
Зачем Вам мятежный Кавказ?
Любите, страдайте, кутите, грешите
Презрев Высочайший Указ!

Под новенькой буркой погоны блеснули,
Качнулся усталый возок.
Зачем Вам, поручик, чеченские пули,
Коварный и лстивый Восток?

Куда же, куда Вы спешите, поручик?
Без Вас Шамиля усмирят!
Неужто покладистей, да и покруче
Поручиков нет у Царя?

А дальние провода – лишние слезы,
Дороги не будет назад.
И Вас провожают кресты и березы,
Да бабушки любящей взгляд.

Прощайте Тарханы, задумчивый берег,
Балы и гвардейский бомонд.
Как воздух горяч, как беснуется Терек,
Как мрачен чужой горизонт.

Дуэль неизбежна, как смена дозора,
Как этот последний рассвет;
Загладить не сможет нелепую ссору
Разряженный вверх пистолет.

Противник серьезен, такой не промажет,
А как же, дуэль – так дуэль.
Спокойно прицелясь, наверное, скажет:
«Ну что, отшутились, Мишель».

А Вам все лежать под намокшей шинелью
Покуда придет тарантас...
Убийство тогда называлось дуэлью,
Разборкой зовется сейчас.

Александр Блоку

*Идут века, шумит война,
Встает мятеж, горят деревни.
А ты все та ж, моя страна,
В красе заплаканной и древней.*

Александр Блок

Революция, как гидра трехголовая,
Скоро будет пожирать своих детей,
А Россия, и босая, и голодная
Спешно строит односпальный мавзолей.

Были выдворены, сосланы, расстреляны
Те, кто в списки неугодных угодил.
Почему же это я тревожу Ленина?
Да хотя б за то, что Вас он пережил!

Отпустила Вас судьба не дальше Питера,
Не втянула в этот жуткий карнавал.
Не могли тогда Вы знать, что и у Гитлера
На штандартах красный цвет преобладал.

Как хотелось объявить кремлевской мафии
Вас Поэтом революции всерьез! —
До того уж вы ей здорово потрафили
Знаменитым «белым венчиком из роз».

Но Христос не исповедовал насилие,
Не обучены и Вы такой игре.
Ах, какие были в Шахматова лилии,
Как дышалось, как писалось на заре!

Пруд заросший и сирень непроходимая
И любительских премьер мятежный жар,
Воля дикая, восторг, поля озимые,
И под старой липой вечный самовар.

А у Зимнего – ни мата и ни выстрелов,
В тупике запломбированный вагон.
И цыганка все поет, звеня монистами,
И садится Незнакомка в фэзтон.

Наломали дров, что белые, что красные,
Забывая про бесчестие и честь.
Только Вы могли любить Россию разною,
Мудрым Гамлетом приемля все как есть.

Ваши даты машут траурными крыльями,
Превращаясь в юбилеи вновь и вновь,
Чтоб вернуться к Вам стихами и картинами, –
Тема вечная, как Смерть и как Любовь.

С.А. Есенину

*Все встречаю, все приемлю,
Рад и счастлив сердце вынуть.
Я пришел на эту землю,
Чтоб скорей ее покинуть.*

Сергей Есенин

Златоустый и златоглавый,
Не воитель и не герой
Со скандальной повенчан славой
И крещен кабацкой Москвой.

Все так просто и все так ясно,
Только кто ответит сполна:
То ли жизнь прожита напрасно,
То ли ярче звезды она.

За санями поземка вьется,
Расплескала песню гармонию...
Он еще в табунах пасется,
Несказанный розовый конь.

Первых строк несмелые шпоры
Скоро тронут его бока.
Никакой еще Айседоры
У рязанского паренька.

Завизжат восторженно дамы
От шокирующих манер,
Все глядит на дорогу мама,
И еще далек Англестер.

А закат горит, пламенея,
И черемуха так цветет...
Он по лугу, не по Бродвею,
Босиком в легенду идет.

Николаю Гумилеву

*Еще не раз вы вспомните меня
И весь мой мир, волнующий и странный,
Нелепый мир из песен и огня,
Но для других единый необманный...*

Николай Гумилев

«У меня не живут цветы» –
Что обиднее для поэта!
На могилах у всех кресты –
У него и могилы нету.

У него вдова, как вдова,
Столько слез – берегов не видно.
Как такие найти слова,
Чтобы не было сыну стыдно?

Суд неправый предвзят и скор,
И расстрелы входили в моду.
Акмеизм – никак не террор,
А террор – еще не свобода.

О, российский крутой излом,
Сколько судеб ты изувечил!
Или шлепнут где за углом,
Или примешь заряд картечи.

На Германской было не так,
Хоть и Смерть касалась плечами:
Там понятия «свой» и «враг»
Не разменяны палачами.

Обошел его ураган,
Не швырнул головой с обрыва.
Офицерский старый наган
Похоронен на дне залива.

В тихой комнате с потолка
Лампа бронзовая свисала,
И не думалось про Чека,
Про аресты и про подвалы.

Он взлетал усталым орлом,
Чтоб потом в словесной рутине
Всколыхнуть упругим крылом
Всю обыденность форм и линий.

Абиссинский ветер горяч,
Словно пуля из трехлинейки,
С ароматом первых удач
И с брюзжаньем «Новой копейки».

Не осилить невский туман,
Не пробиться через заставы
Ветрам жарких далеких стран,
Чтоб сбересть его от расправы.

На Руси поэты в цене,
Как в войну ржаная горбушка.
Что ж тогда им снятся во сне
Пуля, нары, петля, психушка?!

**По мотивам «Смутных дней»
И.Бунина**

*Вот встанет бесноватых рать
И как Мамай всю Русь пройдет...*

И.Бунин

Холостым ударила Аврора,
Сдвинув исторические вехи.
Символом разрухи и террора
Стали комиссарские доспехи.

Прежних революций атрибуты –
Будто затаившаяся мина,
И обломки барского уюта
Тлеют головешками в камине.

Смутные о немцах разговоры,
Очереди, митинги, аресты,
И кувшином дьявольским Пандоры
Мнится Кремль, святое раньше место.

«Отбирали книги на продажу» -
Запись восемнадцатого года,
Ничего подлее нет и гаже
Этой битвы с собственным народом.

«Злобные нападки на Советы»,
«По живой России панихида»...
Одного не поняли газеты:
Это безысходность и обида.

Собирали деньги на поездку –
Так напоминающую бегство,
А ночами, словно бы в отместку,
Видится заснеженное детство.

Нобелевский счет в парижском банке,
Речи, поздравления, банкеты.
Только вот на доллары и франки
Не купить обратного билета.

Не купить проселки и овраги
И капель с пасхальным перезвоном.
Можно только чистый лист бумаги,
Да приют последний за кордоном.

Марине Цветаевой

*Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.*

Марина Цветаева

Не было вовсе Елабуги,
Были Париж и Москва...
Девочка мчится по радуге,
Звезды вплетая в слова.

Милые праздники детские,
И Рождество, и Покров,
«Нива», стихи декадентские,
Вычурность девичьих снов.

Рифмы слетают доверчиво
Стайкой непуганных птиц,
Льется до позднего вечера
Свет из-под темных ресниц.

Светлое, доброе, нежное,
Все улетит в никуда.
Плата за сны безмятежные
Несоразмерно крута.

Встречи какие пророчили
Всплески нахлынувших рифм!
Встретили юные дочери
Голод, разлуки и тиф.

Так уж положено исстари:
В драке лежащих не бьют.
Что же лубянские рыцари
Мужа в застенки ведут?

Скорбно запла́тите подати,
Пряча глаза под вуаль,
И до финала досмотрите
Этот нелепый спектакль.

Как не меняй декорации –
Фарсом останется фарс.
Не приняла эмиграция
Русская, русскую Вас.

Снова судьба беспощадная
Будто с цепи сорвалась.
Скоро осколки снаряжные
Сына отнимут у Вас.

Спета последняя ария,
Занавес вовремя дан...
Не было вовсе Татарии –
Был впереди Магадан.

Михаилу Булгакову

*В белом плаще с кровавым подбоем,
шаркающей кавалерийской походкой ...
вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.*

Михаил Булгаков

Если б Понтий Пилат
Образумил тупую ораву,
Или кто-то другой
От Голгофы Спасителя спас...
Михаил Афанасьевич,
А большевистские нравы
Проржавевшим штыком
Достают временами и нас.

Ваш герой поседел,
Но на митингах здорово лает,
И не надо уже
По трактирам для публики петь.
Он джинсовку одел,
Демократом себя называет,
Жаль, что Вы на него
Не успели намордник надеть.

Как Алеша Турбин
Вы душою и мыслями чисты,
И чудака Мышлаевский
Над Вами подшучивать рад.
Михаил Афанасьевич,
Разве враги коммунисты?
Но Андреевский спуск
Оказался для Вас крутоват.

Белой гвардии боль,
А под Киевом где-то Петлюра.
На погоны легла
Отступления горькая пыль.
Михаил Афанасьевич,
Что Вам дала диктатура,
Кроме права писать
Про окрашенный кровью ковыль?

И тиранов, и гениев
Скроют могильные плиты.
Все мы смертны, увы,
Но сейчас разговор не о том.
Вот и Мастер ушел,
Но осталась его Маргарита,
Патриаршьи пруды,
И, конечно, таинственный дом.

Иосифу Бродскому

*И увижу две жизни
Далеко за рекой,
К равнодушной отчизне
Прижимаясь щекой.*

Иосиф Бродский

Далеко она от Вас теперь, Россия,
Где назвали Вас опасным безработным.
Уж давно привычной стала ностальгия
По метелям и дождям ее кислотным.

Живы в памяти крещенские морозы
И российское глухое бездорожье,
Телефонные полночные угрозы,
Демонстрации и съезды скоморошья.

Кумачовые столы на грязной сцене
И накачанные мальчики у входа:
«Даже если этот стукнутый и гений,
Все равно – потенциальный враг народа».

Эмигрантские тревоги и печали
Притупили боль прижизненных кремаций.
В душу Вам тогда изрядно наплевали,
Но не стоит на убогих обижаться.

После августа¹ у нас – как после свадьбы,
Где по пьяни обещана невеста.
Боги ссорятся: с Олимпа не упасть бы,
И деруться, как плебеи, из-за места.

Коммунист зовется нынче демократом,
Бизнесменом называется барыга,
Вас печатают, но больше «Самиздатом» -
Третьей власти стародавняя верига.

А народ... А что народ, не унывает,
Анжелику он читает и Ремарка,
Брагу делает и атом расщепляет,
Сигареты продает и иномарки.

Так же слушает Вивальди и частушки,
Или Шнитке, что мудреней но престижней.
Посмеялся бы сейчас над нами Пушкин,
И как Сахаров, отправился бы в Нижний.

И хотя мои стихи не без изъяна,
В них ни разу не помянуты Вы все.
А еще спасибо Саше Мирзояну,
Что озвучивал Вас, в общем-то, рискуя.

К берегам своей безрадостной отчизны
Ваш корабль, когда-нибудь, да и вернется.
Вам, Высоцкого признавшего при жизни,
Слово доброе, конечно же, найдется..

¹ Август 1991 г.

Памяти Б.Л. Пастернака

*Напрасно в дни великого совета,
Где высшей власти отданы места
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.*

Борис Пастернак

Который год горит свеча,
Тревожа совесть.
Как хорошо крушить сплеча
Чужую повесть!

Или, набравши в рот воды,
Тайком креститься,
Когда послушные суды
Начнут глумиться.

Его заклятые друзья,
Не усмехайтесь!
Уж, коль вернуть его нельзя,
Так хоть покайтесь.

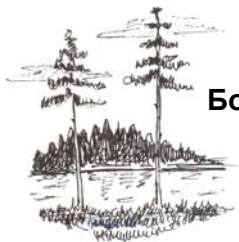
Как с ним Россия обошлась —
Казалось бредом,
Но во сто крат сильнее вас
Он был ей предан.

Шагал под минный вой статей
С эпохой в ногу,
И вас, как сукиных детей,
Жалел немного.

Судьбе своей не изменив,
Успел немало,
Но как бездарен детектив
Его опалы!

Он был по рыцарски красив,
Подняв забрало.
Неповторим его мотив,
Трагична слава.

Не удержался он в седле,
Такое дело...
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Борису Корнилову

*Усталость тихая, вечерняя
Зовет из гула голосов
В Нижегородскую губернию,
И в синь семеновских лесов...*

Борис Корнилов

Ты молод, плечист и застенчив,
Таких только Волга родит.
И встречный пока что не встречен,
И целая жизнь впереди!

На нивах хлопочут комбайны,
Давно уж не ходят в лаптях,
Но Керженец древнюю тайну
В глубоких хранит омутах.

А Керженец – речка из детства,
Он строг, как раскольниковый скит.
Но нету надежнее средства
От горьких ребячьих обид.

И, может, забросив рыбалку,
Весло и предутренний клев,
Часами ты слушал русалку
Под музыку синих лесов.

Прорехи житейской изнанки
Отсюда еще не видны,
И первого сборника гранки
Пропахли дурманом сосны.

Но волость становится тесной,
Прощай, деревенский уют.
Текут бесконечные рельсы,
И новые зори встают.

В досаду надменной столице
Докажет провинция ей,
Что мало поэтом родиться,
Не выстудить душу важней.

Своей сумасбродной отчизне
Служил ты, как только умел.
Ты так торопился по жизни,
Что пропасти не углядел.

Тебе не досталось Гражданки –
Тогдашних мальчишек удел,
А лечь под немецкие танки
По воле Вождя не успел.

Как верил ты в «Русское чудо»,
Как звонко гордился страной!
А дальше писать не буду.
А дальше – тридцать восьмой..

Владимиру Семеновичу Высоцкому

Пророков нет в отечестве своем...

Владимир Высоцкий

Нас, счастливых и обихоженных
Дрожь прохватывала порой,
Если пел о путях нехоженных
Твой охрипший в пути герой.

Дрался ты со шпаной арбатскою
И о фронте – только мечтал,
Но под песни твои солдатские
Не один взгрустнул генерал.

Мы с тобой и на «Вы» - то не были,
Ты прости уж за это «Ты»,
Но в твоей приклатненной небыли
Столько было злой доброты!

Не терзаясь похмельной жаждою,
Ты дурачился и шутил,
Каждой ролью и песней каждою,
Ненавязчиво нас учил.

Персонажи твои нетрезвые
Были в чем-то трезвее нас,
На плакаты, теперь облезлые,
Ты не тратил ни нот, ни фраз.

И в тумане, приторно-розовом,
Сквозь трусливый и злобный лай,
Со своею ухмылкой серьезною
Любовался на этот рай.

Оборвав ремни безопасности,
Задыхаясь в крутом пике,
Первым пасынком был у гласности
В благолепном нашем мирке.

За дипломами и медалями
Не гонялась твоя звезда,
Поздно имя твое ей дали мы,
Закатившейся навсегда.

Без страховки, один над пропастью,
Бьют лучи с четырех сторон...
Стал и болью нашей и совестью
Твой простуженный баритон.

Булату Окуджаве

*А все-таки жаль,
Что в Москве нету больше извозчиков...*

Булат Окуджава

Неистов и упрям
В арбатстве и добре
Певец прекрасных дам
И листьев в ноябре.

Изыскан он и прост,
Судья, но не палач,
И как грузинский тост
Возвышен и горяч.

Крылатому коню
Аккорды он дарил,
И через всю страну
Троллейбус синий плыл.

Надежды старший брат,
Ралуки горький сын,
Во весь Охотный ряд –
Гитарные басы.

На весь Тверской бульвар,
От Пушкина до звезд
Его негромкий дар –
Ответ на чей-то «SOS».

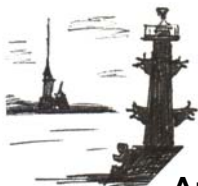
Ни Брест и ни Кабул
Не знали двух солдат,
Связали их судьбу
Володя и Булат.

Один в огне сгорел,
Другой стрелять не смог,
А кто-то поседел,
А кто-то в землю лег.

Пиратствуют такси
Где властвовал лихач,
Рассохся клавесин,
Состарился скрипач.

И, обмакнув перо
В московскую зарю,
Уже крадется рок
К его календарю.

Но шарик голубой
Не взмует в облака.
И не трубит отбой
Горнист его полка...

Александр Розенбаум

*Пусть в вихре нот чудесных
Соединяются сердца и песни,
Пусть тучи слов
От зла укроют нашу землю.*

Александр Розенбаум

Я люблю этот голос
Взволнованный и глуховатый,
Эти песни люблю,
Хоть согласен я с ним не всегда.
В них афганский песок,
И Андреевский флаг полосатый,
И расстрелянной Ладоги
Черная злая вода.

Прошагал он по белым ночам
Долговязым мальчишкой,
Триумфальными арками
Питерских старых дворов,
Возвращая долги
Кораблям и отважным братишкам,
И воспев Ленинград
От дождей до фонарных столбов.

Для людей, не для славы,
Не ради оваций и денег,
Он больную страну
Подпирает надежным плечом.
Жизнь не так уж плоха,
Если есть у меня современник,
Что людские сердца
Открывает гитарным ключом!

Юлию Киму

*Встанешь с видом молодецким,
Обличишь неправый суд,
И поедешь со Жванецким
Отбывать чего дадут.*

Юлий Ким

Имя римское ношу,
Остальное – все корейское.
Стать бессмертным не спешу,
Сочиняя песни дерзкие.

И к событиям не глух,
Я давно уж стал читаемым,
Что, конечно, режет слух
Всем Проханово-Куняевым.

Я не Цезарь, я поэт,
Работеночка не пыльная:
Лавров нет и крови нет,
Только кляксы есть чернильные.

Ни копыя и ни коня,
Ни щита и ни охранника,
В арсенале у меня
Лишь очки и «Паркер» старенький.

И гитара на ремне,
Как оружие возмездия,
Злые рифмы в колчане,
Да веселые созвездия.

Отдыхать от ратных дел
Цезарь в бани шел с гетерами,
У меня же - Орготдел,
Или встреча с пионерами.

Утром он бредет в Сенат,
На челе его страдание,
А меня опять пилят
За неявку на собрание.

Между оргиями он
Донимал германцев с гуннами,
Мой же слушатель сражен
Атакующими струнами.

Ося Бродский убежден,
И, пожалуй, с ним согласен я:
Коль в империи рожден –
Жить в глубинке безопаснее².

Цезарь не был бы убит,
Скрывшись в горы от товарищей,
Был и я бы меньше бит
Указующе-карающей.

² Если выпало в империи родиться –
Лучше жить в глухой провинции у моря.
И.Бродский

Ты мне, Кимушка, прости,
Графоманство откровенное,
До конца ты их прочти,
Эти строки вдохновенные.

Может, скажешь про меня:
Иванов, мол, доморощенный,
У чужого, мол, огня
Ты пригрелся, гость непрошенный!

Каждой новой песни жду
(Чтоб ты только не обидился)
Как наверное, в аду
Грешник ждет энергокризиса.

Как каникул ждет студент,
Как влюбленная влюбленного,
Как лукавый Президент,
Ждал Союза обновленного.

Всякой накипи готов
Век раздать по индульгенции,
Но из сотен островов
Есть один – Интеллигенции.

Вот и все. На том стоим.
Прочь наветы и сомнения!
Потому что Юлий Ким –
Это совесть поколения.

Саше Башлачеву

*Поэты в миру
После строк ставят знак «Кровоточие».
К ним и Бог на порог,
Но они, верно, имеют свой срам.*

Александр Башлачев

Наверно, поспешил
Ты все-таки родится;
Был ясным горизонт,
Да скользкой колея.
Немыслимый накал
Не может долго длиться,
Помноженный сто раз
На зыбкость бытия.

Тебе Высоцкий дал
Надрыв и бесшабашность,
Есенин подарил
Березовую грусть.
А рок-мотив, ну что ж,
Ведь это только частность,
Всего лишь проба сил,
Дань возрасту чуть-чуть.

В редакции, в пути,
Под нудную летучку,
Под холостятский быт,
Под шарканье толпы
Вязал ты кружева,
А чаще плел колючку,
И первым на себя
Примеривал шипы.

Не вымученных строк
Дозволенная дерзость,
Не образов чужих
Измятая постель –
Мятущейся души
Шальная запредельность,
Оборванной струны
Немая канитель.

Последняя зима
К тебе уже спешила,
И високосный год
Не выпустит руля.
А горькая страна,
Она тебя простила,
Но не простит себе
Россия февраля.

Тебя без посошка³
Проводят одногодки,
И вечность отразит
Незнаемый твой плес.
И мерзлая земля
Расплавится от водки,
От яростных стихов,
От поздних горьких слез.

³ Песня А.Башлачева «Посошок».

Александр Вертинскому

*И тогда с потухшей елки
Тихо прыгнул желтый Ангел
И сказал: «Маэстро бедный,
Вы устали, Вы больны»...*

Александр Вертинский

Пахнут Родиной хризантемы,
Дням унылым потерян счет.
Отголоском бывлой богемы
Ветер в сопках чужих поет.

Желтым ангелом бой проворный
За кулисы несет графин,
С ностальгией в своей гримерной
Вновь артист один на один.

За стаканом рисовой водки
Он на миг прикроет глаза,
И Пьеро, усталой походкой
В довоенный вернется зал.

Гимназистки с криками «Браво!»
Будут астры к ногам бросать.
Позади – Париж и Варшава,
Впереди – да если бы знать!

Умиленно вздохнут старушки
И мужчины потупят взор,
А за Бугом грохочут пушки
И крестьянин берет топор.

Надевай, Россия, погоны:
Лошадей не воротишь вспять.
Крастнозвездные эскадроны
Будут душу твою топтать!

Ты велика не только хлебом,
Нерушима, как Третий Рим,
Что же тесно под этим небом
Непутевым детям твоим?

Сколько будет бед и страданий,
Крови, слез, разбитых сердец,
Все познает рыцарь скитаний,
Не предавший страну певец.

Сан-Франциско и Палестина,
И шанхайских кварталов дно,
Где ты, маленькая балерина?
Как все это было давно!

Отрешенность больного жеста
Никуда из песни не деть.
Как устал он, бедный Маэстро,
В позолоченной клетке петь!

Евгению Клячкину

*Не страшно уезжать
К далеким заграницам –
Куда страшней возврат
В наш мир наоборот.*

Евгений Клячкин

Дочитав последнюю ругачку,
Горько усмехнувшись, как всегда,
Взял, да и уехал Женья Клячкин,
Чтоб не возвращаться никогда.

Далеко простерся шумный Невский,
Прямо до израильских дверей.
Но разлука с Родиной Советской
Не страшней мордовских лагерей.

Неподсудны нашенской Фемиде
Мысли, гонорары и долги.
Песнею далекой Атлантиды
Станет для него полночный гимн.

От его ль бодрящего мотива,
Или, может, просто от жары,
Душными ночами Тель-Авива
Он не спит до утренней поры.

Тянется в потемках к сигарете,
Не успев окурок погасить:
"Жаль, что в самом главном кабинете
Так и не придётся погостить..."

В кабинетах строгие мужчины,
Рыцарю железному подстать.
Каждый, независимо от чина,
Обожает на ночь почитать.

Им видны на Солнце только пятна,
Все живое им мешает жить.
Им, бескрылым, очень уж приятно
Иногда крылатых поучить:

"Нам сейчас нужны другие песни,
Про полёты, стройки и размах.
Ну не верю, чтобы Ваш ровесник
Мог дрожать в дырявых башмаках!

Лучше про закаты и рассветы,
И про нашей жизни благодать.
Описать колечко сигаретой –
Это не о БАМе написать."

Но опять гремят аплодисменты
Под высоким звездным потолком.
Были эти песни нам, студентам,
Воздуха целебного глотком.

Мы рецензий едких не читали,
Было нам на это наплевать.
И вполне серьёзно полагали:
Пошлости и лжи несдобровать.

Не потерян он и не украден,
Хоть его уже и не вернуть.
Ну а симпатичным этим дядям
Поглядим в глаза когда-нибудь.

Иноходец

*Мне есть что спеть,
Представ перед Всевышним,
Мне есть чем оправдаться
Перед Ним...*

Владимир Высоцкий

Олимпийских фанфар
Над Ваганьковым медная боль.
Отзвенели гитара и шпага
И муровский орден.
Без суфлеров ты нынче
Играешь последнюю роль,
Буйный Гамлет российский,
Как твой бенефис безысходен!

Ни тугих парусов,
Ни распущенных грив,
Да и ветер надежды
Серебряных струн не коснется.
Лишь плывет над страной
Неподкупный и дерзкий мотив,
Разделяя живых
На жокеев и на иноходцев.

Юрию Визбору

*Длинной-длинной серой ниткой
Стоптаных дорог
Штопаем ранения души.*

Юрий Визбор

Пахнут соснами песни Визбора
И морзянкою озорной,
И написаны не для избранных,
Это значит, для нас с тобой.

По-над Сретенкой, по-над тундрою,
Над безвременьем наших дней,
Песни добрые, песни мудрые
Нам становятся всё нужней.

Переулками, перелесками,
Век без устали им бродить.
Ни с амсамблями, ни с оркестрами
Струны тихие не сравнить.

Что отмерено, всё отпущено,
Пламя жаркое и зола.
Песни Визбора пахнут тучею,
Что слезу над ним пролила.

«...Изменить нельзя»

- Ты убил человека! – сказал я устало.
- Я убил бандита! – усмехнулся Жеглов.

Б. и А. Вайнеры,
«Эра милосердия».

«Не стреляй!» - повторял Шарапов,
«Не стреляй!» - умоляли мы.
Пуля, нам сердца оцарапав,
Беглеца спасет от тюрьмы.

Все запутает выстрел хлесткий
В тишине проходных дворов:
То ли это – опер Высоцкий,
То ли это – актер Жеглов.

Нелегка капитанская доля,
Нет отбоя от воронья.
А актерская легче, что-ли
Среди зависти и вранья?

Путь ваш славен, тернист и труден,
И претит вам безликий строй.
Только ты уже неподсуден,
Как и твой последний герой.

Александр Галичу

*И плевать, что на сердце кисло,
Что прощанье, как в горле ком.
Больше нету ни сил, ни смысла
Ставить ставку на этот кон.*

Александр Галич

Сам себе и прокурор и адвокат,
Сам себе и прокурор и адвокат,
Сам себе и прокурор и адвокат,
Сам себе и декабрист и демократ.

Сам себе и Гумилев и Пастернак,
Сам себе и эмигрант и патриот,
Диссидент, антисоветчик и враг,
Да еще российских бардов оплот.

В Соловках седые камни не спят,
И могилы у Кремля нарасхват.
И еще запрет на песни не снят,
А еще, который Галич, распят.

Про погоду, про природу пиши,
Подпевалам подпевай для души,
По указке, по Цековской дыши,
И сухарики по тихой суши.

А вокзал похож на стылый барак,
И таможенники как кумовья;
Опусти, страна, скорее свой флаг,
Это совесть уезжает твоя!

Отправляется в последний этап,
Да недолгим тот окажется путь.
Как посмел он, взбунтовавшийся раб,
За родимую колючку шагнуть!

А мотив его неспешный звучит
И на кухнях, и у дальних костров;
А Лубянка, та по прежнему бдит,
Но бессмертие – сильнее замков.

**Александру Городницкому
и Юрию Кукину**

*Нас своими огнями все манят они,
Острова в океане, острова в океане.*

Александр Городницкий

*Я сам себе рассказываю сказки
И жду, когда они начнут сбываться.*

Юрий Кукин

Снова сцены пустынный остров,
Зал, ловящий каждое слово.
Микрофон подогнав по росту,
Начинаете колдовство Вы.

Можно, я назову Вас Саша?
(Не сочтите за панибратство)
Ваши песни – молодость наша,
Как пароль в гитарное братство.

Разрешите назвать Вас Сашей!
Разрешите назвать Вас Юрой!
Кто-то белой косынкой машет,
Кто-то бредит тайгою хмурой.

Кто-то пыль с гитары сдувает,
Кто-то лыжи ставит у печки,
Кто-то Оттепель вспоминает,
Кто-то ставит по ком-то свечку.

Как забытые позывные –
Голоса простуженных лаек,
Деревянные мостовые
И шаманство розовых чаек.

В поездах нам сегодня снятся
Телевизоры и диваны,
А на Север другие мчатся,
И не все, увы, за туманом.

Так же тают в кострах снежинки,
И хоть, вроде, мы не стареем,
Чаще нас зовут на поминки,
Чем на свадьбы и юбилеи.

Черно-белые негативы,
Как и рукописи, нетленны.
Сохранили они ревниво
Вас, вихрастые супермены.

Вас не сделало запасными
Неспокойное наше время.
Нам бы дисками золотыми
Наградить вас за верность теме.

Не устали б сердца и руки,
Не иссякли б добрые силы,
Городницкий и Юрий Кукин,
Наши барды вся России.

Владимиру Высоцкому

*Можно было бы прилечь, отдохнуть,
Но он знал: отпущен срок небольшой.
Он не то чтоб был поэтом, отнюдь,
Просто жил и пел с больною душой...*

Виктор Третьяков

Нет, не прерван он, твой полет⁴,
Просто ты немного устал
От юпитеров и от нот,
От ханжей и кривых зеркал.

Над Ваганьковым тишина.
Как не любишь ты тишину!
В девятнадцатый раз страна
Без тебя встречает весну.

От жестоких схваток с судьбой
Четче рифма и строже слог.
Ты не выиграл этот бой,
Лишь поднял болевой порог.

Ты понятен, прост и велик,
Нам, живущим, вечный укор.
Настоящий ты был мужик,
И поэт, и бард, и актер.

⁴ «Владимир или Прерванный полет» - так назвала свою книгу о муже Марина Влади.

Памяти Игоря Талькова

*Они уходят, не донев куплета,
Когда в их честь оркестр играет туш:
Актеры, музыканты и поэты,
Целители уставших наших душ.*

Игорь Тальков

Он не Дантес, но такой же подонок,
Кто расстрелял недопетую песню.
А децибелы рвались из колонок
Вслед за душою его в поднебесье.

Не промахнуться бы в сердце большое,
В сердце, вместившее столько России!
Можно слепить из Иуды героя,
Но не воскреснут глаза голубые.

Мудро, и может, немного наивно,
Он говорил: «Я вернусь непременно».
С Чистых прудов погрузневшие ивы
Все уж глаза проглядели, наверно.

Он и рожден, и убит не случайно,
Верил в страну, потерявшую Бога;
Знал он, казалось, какую-то тайну,
Глядя с подмостков печально и строго.

Сколько ушло их, ребят настоящих,
Старую истину высветив четче:
Не прославляющим власть предержавших
Век отпускается вдвое короче.

Валерию Агафонову

*Даже места нам нет
В ошалевшей от горя России.
И Господь нас не слышит –
зови не зови...*

Юрий Борисов

На войне – и впрямь как на войне,
Красный флаг не спутать с красным кантом;
В этой неприкаянной стране
Можно быть и дома эмигрантом.

Можно унижаться и терпеть,
Можно лечь под ободом Фортуны,
Можно пить, а можно просто петь,
Обрывая плачущие струны.

На константинопольский базар
Не носил он кольца и награды.
У него печальные глаза,
Словно две полночные лампы.

Не за ним захлопнулся Босфор,
Не был он в гарсонах и таксистах,
Не слышал, как клацает затвор
Под рукой похмельного чекиста.

Не носил черкеску и кинжал,
Не ходил в последнюю атаку,
Хамов и лакеев презирал,
Но от них не прятался, однако.

Про поля заснеженные пел,
И про версты, но не про гектары,
А теперь романс осиротел
Без его тоскующей гитары.

День рождения Андрея Макаревича

*Ты помнишь как все начиналось?
Как было впервые и вновь?*

Андрей Макаревич

Все очень просто⁵
И без проблем,
Заместо тоста –
Немного тем.

Отцовский старый
Магнитофон,
Битлов гитары,
Короткий сон.

Четверки этой
Крутой разбег
Прошил кометой
Наш затхлый век.

Провинциалов,
Простых ребят
Внесли в анналы
С Армстронгом в ряд.

⁵ «Все очень просто» - название книги А.В.Макаревича.

Аккордов шпоры,
Фанатов вой
Как мушкетеров
Вели их в бой.

Под эти сказки
Взрослели мы,
Их водолазки
Белей зимы.

Гитары рокот,
Ударных гром,
Сияет Сопот,
Горит диплом.

Архитектура,
Прости, прощай,
Свои этюры
Сама решай!

Но выбор сделан,
Дымят мосты.
Уходит Леннон –
Приходишь ты.

Годов застойных
Грядет пора,
Стихов крамольных
Из-за бугра.

Ликует серость,
Берясь за плеть,
И расхотелось
Писать и петь.

А у ломбарда –
Как у шинка;
Чего ж вы, барды:
Кишка тонка?!

.....

Богов чугуновых
Изъела моль,
А в умных струнах
Таится боль.

Не может слово
Сойти на нет,
«Машине» – снова
Зеленый свет!

А борзописцам,
Что вечно лгут,
Из «Синей Птицы»
Не жрать рагу.

И ливерпульский
Иссяк родник,
У рока русский
Теперь язык.

Ты помнишь дачу,
Опальный рок,
И ту поддачу,
Где пили сок?

Тебе, Андрюша,
Не привыкать
Хулу послушав,
Свое играть.

Легла дорога,
Как нотный лист;
Талант – от Бога,
От черта – риск.

Не остановит
Тебя ГАИ,
Блажен, кто помнит
Хиты твои!

Как говорится,
Дави на газ!
«Машина» мчится,
И – в добрый час!

Олегу Газманову

Я сегодня не такой, как вчера...

Олег Газманов

Я сегодня что-то петь не хочу,
Я шинель свою никак не найду.
Под «фанеру» я чуток помолчу,
После сделаю кульбит и уйду.

Госконцерту, хоть ты пой, хоть не пой,
А обязан отстегнуть на карман.
Это просто я сегодня такой,
А вообще-то я нормальный пацан.

А вообще-то я лошадок люблю,
Только как же с удовольствием быть?
Одного Пегаса я прокормлю,
А вот как мне «Эскадрон» прокормить!

Только, братцы, не люблю я путан,
Но приходится мирится пока.
На одну я как-то поднял наган,
Застрелить же не поднялась рука.

Так в Афган и не успел я слетать,
Все Кобзону уступал эту честь;
А «зеленых» бы не плохо достать,
У Кобзона их, наверное, есть.

Чтоб в валютных кабаках побалдеть,
(Я в подпитии особенно крут!)
Про рыбачку вам под занавес спеть,
И рвануть от вас от всех в Голливуд!.

Владимиру Трошину

*Ночью за окном
Метель, метель...*

Песня «Тишина»

Владимир Трошин,
Володя Трошин!
Твой след метелью
Не запорошен.

Триумфа зная
Ты взял без боя
И «Вечерами»,
И «Тишиною».

Простым обличьем
И русской статью,
В какой же нынче
Ты ипостаси?

Качаешь внука,
Ругаешь сына?
А я пойду-ка
Пластинку выну.

Помолодею
Хоть на минуту,
Похолодею,
Забыв про смуту.

Не раз шутком ты
Смотрел на небо,
Хотя шутком-то
Как раз и не был.

Наш луг счастливый
Еще не скошен,
Владимир Трошин,
Володя Трошин!

Поэтам - афганцам

*Воронка и ещё воронка неожиданным днём.
Зачем стучишься, похоронка, в панельный дом?*

Николай Зиновьев

Маршал с густыми бровями
Толк понимал в рекламе:
Мы водрузим над горами
Гордое наше знамя!
Что нам в ихнем Исламе,
Если Суворов с нами!

Значит снова воронки,
Пушки и самолеты,
Значит гореть «зеленке»,
«Стингерам» рвать пехоту.

Что ж, на то и пехота
С авиацией вместе,
Чтоб превращался кто-то
В груз под номером двести.

Чтоб из этой парилки,
С дружественного Афгана
Слали в Союз посылки
В виде «черных тюльпанов».

Чтоб отцы-командиры
Тактики не забыли,
Нами латая дыры
Редких своих извилин.

Ну, держись, азиаты,
Суры лабайте ваши.
Мы – не просто солдаты,
Мы – «шурави» на марше.

Вместо январской стужи –
Пекло, как по заказу.
Ни ручейка, ни лужи,
Только кипят КАМАЗы.

В синем небе вертушки,
Вроде бы так и надо.
В общем-то, все – игрушки,
Если бы не засада.

БТР кувыркнется,
Как консервная банка,
Только едва коснется
Скатами «итальянки».

Ткнулся школьник вчерашний
Вдруг в кровавую лужу.
Это не очень страшно,
Если мозги наружу.

Вот, когда с голодухи,
Сон тебя свалит тоже,
Свяжут сонного «духи»
И проснешься без кожи.

Вот почему, признаться,
Пленных подчас не брали;
Стать седым в девятнадцать —
Нет за это медали.

Где-нибудь под Салангом,
Или возле Герата
Вислоухий салага
Становился солдатом.

Минами накрывали
Мы огневые точки,
Ну а домой писали,
Что сажаем цветочки.

«Травку» молча курили,
Думали о гражданке,
Знали о скором мире:
Глухо пока, как в танке.

Белой ниткой защиты
Этой войны изъяны.
Может быть, МЫ бандиты,
А ОНИ партизаны?

Нас теперь упрекают,
Мол, за что воевали!
Просто люди не знают
Цокота пуль по стали.

Их бы, борзых и гордых,
Под прямую наводку,
Чтобы просить в переходах
На протезы и водку.

Им неведомы стоны,
Их не будили взрывы,
Не рыдали их жены,
И сыновья их живы.

За безутешность вдовью,
За статистику боя,
Мы расписались кровью
В Летописи Застоя.

Не разбираясь в жизни,
Мы разобрались в смерти,
В долге, в любви к Отчизне,
Без анаши, поверьте.

Не берегли патроны
И презирали славу.
Жили мы по закону,
Умерли по уставу.

Если мы не герои,
Кто же тогда, подонки?..
Ротный после отбоя
Сел писать похоронки..

Олегу Митяеву

*И в дымных разговорах,
Где незачем кричать,
Мы сверим наши истины до точек.
И утром нам не надо будет
Мчать в «Союзпечать»,
Где «Правда» ждет нас
Штабелями строчек.*

Олег Митяев

Поговорим давай с тобой,
А то уедешь в Таганай,
Иль с Дэ-ДэТэшною братвой
Ворвешься к Кукину на чай.

Или с Тарасовым вдвоем
Опять на Грушинку махнешь,
Или с гитарой босиком
На крышу выбежишь под дождь.

С улыбкой доброю Булат
С необжитых своих высот,
Как умудренный старший брат,
Наверно, скажет: «Ну дает!».

Ты там смотри не простудись,
Ведь не поймет тебя народ,
Когда пронзит тугую высь
Твой кашель, а не твой аккорд.

Поговорим о том, о сем,
На кухне встретивши рассвет.
Тихонько Визбора споем,
Помянем тех, кого уж нет.

Поговорим с тобой за жизнь,
Про Перестройку и Застой.
Я наточу потом ножи
Твоей соседке холостой.

На звонкий бардовский Олимп
Пришел ты, как к себе домой.
Но никогда потертый нимб
Пуškai не кружит над тобой.

Хоть лицедеи говорят,
Что у тебя от них гастрит,
Я уважаю тех ребят,
Зато и ты не лыком шит.

Ну Кукин – ладно, тот всегда
Корпоративностью грешил:
И сам теперь кинозвезда,
И друга тоже приобщил.

Но Макаревич всех хитрей:
Уж как тебя превозносил!
Не экономил свой елей,
А вот на «Смак» не пригласил.

Все это, впрочем, ерунда,
У барда заповедь одна:
Беда страны – моя беда,
Иначе песне грош цена.

Когда с Арбатского моста
Открыл пальбу геройский танк,
Некстати, но и неспроста,
Я вспомнил твой «Осенний парк».

По счастью не застали мы
Ни сорок первый, ни Гулаг,
А над Челябинском дымы –
Социализма отходняк.

Знамена красные в пыли
Теперь лежат на чердаке;
Мы столько лет к вершинам шли,
А оказались в тупике.

Пора свершений позади,
Давно почил СССР.
Банкиром сделался бандит,
Торгует жвачкой инженер.

Я – не взыскательный поэт,
И ни колючек мне, ни роз;
Я только отражаю свет
И малых и великих звезд.

Пуškai в стилистике грешу,
И с рифмой часто не в ладах,
Но я, упрямый, все пишу,
И удается иногда.

Мое нахальство извини,
На пародийность не сердись.
Еще «Митяевские дни»
Не раз украсят нашу жизнь.

Так ты особо не серчай,
Ведь иногда и сам шалишь.
Про нимб, смотри, не забывай,
Да ты, никак, дружище, спишь...

А бывало, на задней парте
Понарошке с тобой дрались.
Все тогда мы были на старте
Марафона длинною в жизнь.

Пили что-то и что-то пели,
И с эпохой в обнимку шли.
Ничего мы не постарели,
Просто в дедушки перешли.

Пусть встречаемся мы нечасто,
Мужикам не клястся в любви.
Повторяю я: «Фима, здравствуй!»,
Это значит: дольше живи!

Содержание

М.Ю. Лермонтову	4
Александру Блоку	6
С.А. Есенину	8
Николаю Гумилеву	10
По мотивам «Смутных дней» И.Бунина	13
Марине Цветаевой	15
Михаилу Булгакову	17
Иосифу Бродскому	19
Памяти Б.Л. Пастернака	21
Борису Корнилову	23
В.С. Высоцкому «Нас, счастливых и обижённых...»	25
Булату Окуджаве	27
Александру Розенбауму	29
Юлию Киму	31
Саше Башлачеву	34
Александру Вертинскому	37
Евгению Клячкину	39
Иноходец	42
Юрию Визбору	43
«...Изменить нельзя»	44
Александру Галичу	46
Александру Городницкому и Юрию Кукину	48
Владимиру Высоцкому «Нет, не прерван он, твой полет...»	51
Памяти Игоря Талькова	52
Валерию Агафонову	54
День рождения Андрея Макаревича	56

Олегу Газманову	60
Владимиру Трошину	62
Поэтам – афганцам	64
Олегу Митяеву	69
Ефиму Фомину	73